

18+

Владислав Писанов

Слеза Бога

Художественный фильм в прозе

Владислав Писанов

**Слеза Бога. Художественный
фильм в прозе**

«Издательские решения»

Писанов В.

Слеза Бога. Художественный фильм в прозе / В. Писанов —
«Издательские решения»,

Спецназ.... Это — храбрость и воинская доблесть. А кто был «отцом русского спецназа»? Командиром отряда специального назначения был М. Ю. Лермонтов, не только поэт, но и блестящий офицер, герой. «Головорезы Лермонтова» — так называли сотню, которой командовал Михаил Юрьевич. Эта книга, хотя и основана на реальных событиях, но это художественное произведение. Потому здесь есть романтические отношения, таинственный алмаз, коварные враги. Книга иллюстрирована рисунками М. Ю. Лермонтова.

© Писанов В.

© Издательские решения

Содержание

СЛЕЗА БОГА	6
СЦЕНА 1. В станице Грозной	7
СЦЕНА 2. Неделю назад. Ставрополь	13
СЦЕНА 3. Густая дубрава в горах	17
СЦЕНА 4. Штаб Лермонтова в станице Грозной	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Слеза Бога

Художественный фильм в прозе

Владислав Писанов

© Владислав Писанов, 2026

ISBN 978-5-0070-9154-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владислав ПИСАНОВ

СЛЕЗА БОГА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ В ПРОЗЕ

«Далеко этот мальчик пойдёт».
Александр Пушкин о Лермонтове

*«Если бы этот мальчик остался жив,
не нужны бы были ни я, ни Достоевский».*
Лев Толстой о Лермонтове.

СЦЕНА 1. В станице Грозной

Обычная чеченская сакля, может, чуть больше остальных мазанок. Внутри — простое убранство: стол, несколько стульев, топчан за ширмой, на которую брошен цветастый яркий плед.

На первом плане — двое мужчин. Из-за приоткрытой ширмы виден лежащий на топчане человек, он спит. Двое тихо беседуют.

— А, знаешь, как по-чеченски будет «человек»?

— И как?

— Адам.

— Серьёзно? А Ева — как?

— А женщина — не человек.

Собеседники расхохотались.

В комнате у открытого окна сидит солдат Пётр Султанов, лузгает арбузные семечки, сплёвывая наружу. Ранняя осень на Кавказе тепла, это вам не слякотный Петербург. Опытный офицер, разжалованный за дуэль в рядовые, он уже два года воюет в этих горах. Это он затеял «лингвистическую» беседу.

В глубине комнаты, на деревянном топчане лежит раненый. Он укрыт лоскутным одеялом. Заострившееся лицо с нервными чертами выражает страдание, в бессознании он временами тихо постанывает. Корнет Руфин Дорохов, командир летучего отряда казаков-пластун, сын знаменитого генерала, героя 1812 года, был ранен вчера в стычке с отрядом Шамиля. Казаки вытащили командира из пекла.

За низким округлым столиком, сидя на ковровой подушке, примостился поручик Михаил Лермонтов. Он одет в длиннополый шелковый темно-зеленый халат с золотыми узорами, опоясан толстым шнурком с золотыми желудями на концах. Под халатом — зелёные же армейские брюки и белая рубаха.

Круглое лицо, припухлый нос, сосредоточенный взгляд на бумаги, которые он быстро заполняет какими-то строками.

Вокруг кружит толстая муха. Он пытается её отогнать гусиным пером, роняя на бумагу капли чернил.

— Миха гонит муху, — небрежно проронил Султанов.

Ответа не получил.

— Мишель стремится в Ля Рошель, — снова попытался подначить сосредоточенного на письме товарища скучающий Пётр.

Но снова — безответно.

— Зачем тебе этот татарский язык? — насмешливо задаёт он риторический вопрос, не оставляя попытки затеять разговор. — Лучше уж стихи пиши, они и дам привлекают, и денежное довольствие.

— Какое там довольствие...? — вдруг живо откликается Лермонтов, — слёзы это, а не деньги. А нашим дамам «денежное довольствие» ныне важнее поэтических охов и вздохов. Зато за «Смерть поэта», как ты знаешь, меня сюда сослали.

— Ой, как будто, это тебя урезонило! — снова засмеялся Султанов.

— Да, попробуй Терек урезонить..., — в тон ответил собеседник. И задумался.

Спокойное лицо поэта, украшенное щегольскими усиками, скрывает бурю эмоций: где-то там, в его голове рождаются строки:

*«Терек воеет, дик и злобен
Меж утёсистых громад.
Буре плач его подобен,
Слёзы брызгами летят...».*

Муха прекращает жужжать, сев на белёную стену сакли.

Лермонтов быстро кладёт перо, хватает лежащий тут же пистолет.

Выстрел! — на стене остаётся только чёрное пятно, внутри которого виден оплавленный свинец.

— Браво! — символически, похлопав пальцами левой ладони о сжимающий семечки правый кулак, заплодировал Султанов.

— Слушай, Мишель, при такой меткости, почему ты того французишку не прихлопнул? — снова спросил он.

— А, знаешь, хотелось! — бросил пистолет на стол Лермонтов. — Так хотелось за Пушкина отомстить, аж скулы свело!

— И, чего же ты в воздух пальнул, как в копеечку?

— Честно? Пожалел дурака-мальчишку. Да и..., — он задумался. — Представь: прибил бы я его, так теперь не с тобою бы сидел, а кандалами бы звенел. Я и без того у государя не в фаворе. Не хватало ещё, чтобы из-за меня новая война с французами разгорелась.

— Да, убил ты его, Мишель, убил, — раздался хриплый тихий голос с лежанки. — Ты его реноме растоптал, достоинство его расстрелял. Он ведь..., — Дорохов закашлялся, — он ведь пытался уверить всех, что Лермонтов промазал. Так весь Петербург его на смех поднял. Все знают твоё владение оружием.

— Эх, это ж я выстрелом разбудил тебя, прости, Руфин Иванович, — с досадой хлопнул себя по колену поручик. — А тебе лежать надо, силы беречь. Путь на лечение предстоит трудный, длинный.

— Бог даст, выправлюсь, — ответил Дорохов. — А тебе, Мишель, поручаю мою сотню возглавить. Генерал поддержит.

— Как же так, Руфин Иванович, я ж тут недавно совсем, есть более опытные воины под вашим началом.

— Сил нет у меня спорить. Прикажи всем десятникам собраться, — он закашлялся, потом кивнул Султанову: — А ты, Петя, проследи.

Примерно через час во дворе сакли собрались люди. Огромные бараньи шапки выглядели причудливо: скопление мягких скал. Со стороны казалось, что толпа диких горцев оживлённо гыркает о чём-то о своём, да только слова русские вылетают.

И вот все разом стихли, повернулись к двери сакли, в проёме которой показался Руфин Дорохов, опирающийся раскинутыми в стороны руками на Султанова и Лермонтова. Голова его, свесившаяся на грудь, медленно поднялась.

— Братцы, — прохрипел он тихо, — отбываю я рану заживлять. Слушайте, как меня вот этого молодца — Михаил Лермонтов, поручик. Человек храбрый, отчаянный, и умелый не хуже нашего. В летнем походе обоих нас чуть не изрубили татары. Спина к спине стояли, только его сабля и неожиданная выручка спасли нас. Любите его.

— Верим тебе, Руфин Иванович, — вышел из толпы осанистый мужик в горской папахе, в бурке с серебряными газырями. — А проверить-то мы его можем, молодца этого?!

— Хм..., — усмехнулся раненый корнет, — традицию я отменить не могу. Попробуй, Григорий.

И тут же в воздухе раздался короткий свист. То казачья нагайка, взвившись над головой Лермонтова, подбросила в воздух его белую офицерскую фуражку, кончик уха сверху чуть закровил. Фуражка же, перевернувшись в полёте, снова упала на голову поручика. Толпа напряглась.

Лицо Михаила не дрогнуло, лишь стало чуть бледнее. Глаза, сузившись, сверкнули сталью.

Притихнув, люди внимательно вглядывались в него, пытаясь угадать реакции: струхнул ли новичок или выдержал наскок?

— Хорошо, — глянул Лермонтов в ухмыляющиеся лица. Поправил головной убор, кивнул десятнику с нагайкой: — А-ну, давай ещё....

Казак взмахнул рукой, но в этот момент раздался пистолетный выстрел. В поднятом казаком кулаке осталась лишь рукоять нагайки. Хлыст упал в нескольких метрах в стороне.

Общество охнуло.

— Знатно! — воскликнул десятник. — Научи и нас, ваше высокобродие, так стрелять.

— Научу. А вы меня — так лихо нагайкой владеть.

В толпе прошелестел выдох одобрения. Новенький показал себя неплохо. Что-то будет далее....

— Ну, а кто у вас лучший в сабельном бое? — звонко выкрикнул молодой командир.

Из стоящих вокруг бойцов вышли двое. Один — молодой круглолицый чеченец Адам с лихо надвинутой на затылок тюбетейкой, другой — Степан, русский молодец с роскошными тёмно-русыми усами, но тоже в горском костюме.

Они переглянулись друг с другом, мысленно сверяясь: кто же из них лучше?

— А вы не журитесь, — понял их взгляды Лермонтов, — налетайте на меня смело оба два!

Те пожали плечами и, словно по команде, бросились на Михаила с обнажёнными саблями.

Клинки зазвенели не хрустальными бокалами, а калёной сталью, направленной силой умелых рук. Даже среди бела дня казалось, что от них летели снопы голубых искр. Двое наступали, стремясь всерьёз поразить вызвавшего их дуэлянта, тот, чуть отступая, парировал все удары. Бойцы, кто постарше, поопытнее понимающе кивали: они видели, что офицер отступает хитро, он не вкладывал силу в свои удары, лишь ловко отбивая клинки нападающих.

Всего несколько минут хватило, чтобы напор дороховцев заметно сник: силы бойцов стали иссякать. Тут-то, крутнувшись веретеном, новичок незаметным ударом выбил клинок из рук казака, сверкнув в воздухе, короткая сабля ткнулась остриём в землю. Этот кульбит чуть отвлёк внимание молодого чеченца и..., его оружие тоже оказалось на земле.

— У-у-у-у! — восхищённо пронеслось по толпе, кто-то присвиснул, кто-то гикнул.

Это был гул одобрения и восхищения.

Тут к стоящей толпе, поскрипывая рессорами, подъехала бричка. Товарищи бережно усадили туда раненого Дорохова.

— В юнкерской школе Михаил Лермонтов первым фехтовальщиком был! — Воскликнул он, чуть приподнявшись с сиденья. — Учитесь у него!

Все обратились к отъезжающему с прощальными взглядами, видно было, что «охотники Дорохова» с сожалением прощаются со своим командиром.

— Потешьтесь пока без меня, братцы! — обратился ещё раз раненый к своей команде. — Бог даст — свидимся!

— Трогай!

И бричка резво побежала по ухабистой горной дороге, поднимая облачка тёплой, согретой южным солнцем пыли.

— А что ж стоять, господа десятники, давайте-ка в саклю зайдём, знакомиться будем, — призвал Лермонтов и, резко повернувшись, первым вошёл в низкую дверь.

Казаки гуртом ввалились в комнату, расселись: кто на лежанку, кто просто так на пол. Притихли, ожидая, что скажет новый командир.

Михаил Лермонтов занял своё место у стола, оглядел собравшихся.

— По какому принципу формировались подразделения вашей сотни? — спросил он и уточнил: «Ваши десятки».

В первые мгновения ответом ему было невнятное мычание, потом тот сотник, которого Дорохов назвал Григорием, поднялся с лежанки, заговорил за всех:

— А никакого принципа не было, атаман, просто приходили люди, сами выбирали: в какой десятке службу нести. У кого там приятели были, родня, соседи-хуторяне или так по случайной записи. Руфин Иванович это одобрял, мол, по охоте-то свой за своего в бою лучше стоять будет.

— Понятно, — Лермонтов положил на стол свою белую фуражку. — Садись, Григорий.

И тут же, снова к нему обратился:

— Вот ты, Григорий Сычёв, нагайкой хорошо машешь, а, что ею можно в бою сделать? Или только для фокусов цирковых годна?

— Не обижай, господин офицер, казачью нагайку, ею можно и коня пришпорить, и часового снять, да и рубит кожу врага не хуже кинжального боя....

— Так! — прервал его Михаил Юрьевич. — Сразу давайте договоримся: никаких вашебродиев и господ офицеров, я к вам назначен, хотя и командиром, но как к равным пришёл. Теперь я такой же казак, как каждый из вас. Такой же охотник, как и вы. И учиться у вас премудростям казачьей войны хочу, и вас научить важному. Потому я для вас — атаман или просто Лермонтов. А сдружимся, так и Михаилом называть будете запросто.

— Вы все пришли в сотню своею охотой, вольно, желая доблестью своею и оружием послужить России-матушке, Государю-батюшке, — продолжил он. — Задача наша трудная: нарушать планы неприятеля, знать про него то, что он ещё сам про себя не знает, громить, не давать передыху. В этом деле вы с Руфином Ивановичем Дороховым славно поднаторели, и порошу нюхали, и железо звенящих клинков. Однако ж, его волею и с одобрения генерал-лейтенанта Голофеева, надобно нам с вами сделать перестановку.

— Что за перестановку?

— Чего там начальство чудит опять?

— Лучшее — враг хорошего.

Послышались одновременные нестройные реплики.

— Сейчас вы пойдёте к своим десяткам, поговорите с казаками. Неволить не надо, но и бабские «хочу-не хочу» принимать не буду. Короче, надо сформировать подразделения по профессиональным навыкам. Хороших стрелков — в одну десятку, наездников — в другую, пластуны — в третью, тех, кто может часового тихо снять — в четвёртую и так далее. Понятно?

— Что ж не понять?

— Обмозговать надо.

— Понятно.

— А, если всё моём?

— Ну, не знаю....

Этот гул голосов атаман Лермонтов слушать уже не стал.

Перекрывая общий шум, командовал:

— Разойтись! Сбор завтра на рассвете за селом, с южной стороны. Десятки должны быть в новом составе. Начнём с учений.

СЦЕНА 2. Неделю назад. Ставрополь

В ставке генерала А. В. Голофеева. Просторный кабинет на втором этаже крепкого каменного дома, распахнутые окна. Тонкие голубые занавески колышутся от ленивого ветерка.

Просторный стол, заваленный картами местности. Горные хребты Кавказа пересекают их, словно плохо зарубцевавшиеся шрамы.

За столом сидит дородный генерал в белом мундире, с золотыми эполетами, расшитыми галунами и в сверкающих солнцем аксельбантах на гайтанах, толстых витых жёлтых жгутах. Большая голова его с редкими светлыми волосами чуть втянута в плечи, отчего шею не видно и золотой в красной эмали крест Ордена Святого Владимира выглядывает прямо из-под подбородка. Небольшие усы «домиком» тщательно расчёсаны.

Он откладывает перо, аккуратно закрывает изящно инкрустированную чернильницу. Поднимает голову, зовёт громко:

— Михаил Юрьевич, голубчик, зайдите!

Тяжёлая дверь кабинета почти мгновенно распахивается, входит быстрой молодцеватой походкой Лермонтов. Он — в штатном офицерском мундире Тенгинского полка, на тёмно-

зелёных плечах — позолоченные эполеты с красным суконным полем, на нём золотым шнурком выведена цифра 20. Эполеты без бахромы, но блестят по краю тремя коваными серебряными звездочками поручика.

— Слушаю вас, Аполлон Васильевич!

— И что же вам, дорогой вы мой офицер по особым поручениям, спокойно-то не живётся, — с некоторой досадой произнёс генерал-лейтенант. В его фразе нет вопросительной интонации, это — констатация неприятного факта.

— Вы же знаете, что находитесь под постоянным прицелом высших чинов, что Государь вами не доволен, — продолжает генерал Голофеев с той же отеческой интонацией. — И всё же позволяете себе непозволительные выходки.

Он тяжело вздохнул.

— Вольно вам было сочинить карикатуру и эпиграмму на генерал-адъютанта Граббе. Павел Христофорович — человек в чинах, вхож в самые высокие кабинеты, а вы его на потеху выставили, мрачным своим сарказмом ославили.

— Помилуйте, да что ж тут обидного!? — воскликнул Лермонтов, хитро улыбаясь. И тут же начал декламировать:

*— Скромно прикрытый личиной смиренья,
Ты, государь мой, отменно умён:
В мире спокоен ты, в деле сраженья
Храбр и в совете, как бог просвещён.*

— Да-да, это внешне безобидно, если не знать ту злую поговорку, которая ходит в войсках: «Храбр, как Граббе и глуп, как Граббе». — Голофеев замолчал, поднял вопросительный взгляд на поручика.

— Ваша светлость, — прозвучал молодой звонкий голос, — коли уж я под прицелом, то научен отстреливаться. И генерал-адъютанту нет нужды на меня обижаться. Знаю я таких...

— Ну, каких таких!? Каких таких!!!?

— На ловлю счастья и чинов он послан нам по воле рока. Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы..., — продекламировал поэт своё же стихотворение. И добавил:

— Господин генерал, Апполон Васильевич, вы поглядите, что эта немчура творит! Тут вам и генерал Фези, и полковник Клюге фон Клюгенау, и подполковник Пулло, и граф Стенбок.... Они ж горские аулы сжигают дотла, убивают и женщин, и детей! Они тем самым славу русского оружия ничтожат. Горцы-то думают: русские их грабят и убивают....

— Что ж поделать, молодой человек, война-с, без смертей не бывает. А карательные экспедиции по приказу генерала Граббе вполне эффективны.

Голофеев чуть задумался, но продолжил:

— К тому же Павел Христофорович родился в России, герой Бородино, был адъютантом самого Барклая-де-Толли, награды имеет...

— Что же Шамяля не взял наш герой?! — горячась, перебил его Лермонтов. — При штурме Ахульго сколько русских солдат полегло!? А он их гнал и гнал в новые бои. Не русская в нём кровь. Нет в нём жалости к солдату. Меняет он кровь солдатскую на свои награды.

— Не хорошо это, молодой человек, испытанного вояку так конфузить! — возмутился генерал. — Тем более что вы под его началом не служили!

— Мой товарищ по юнкерскому училищу лейб-гвардии Кирасирского полка поручик Николай Мартынов служил, — парировал Лермонтов. — Он рассказывал, какая была пушечная стрельба по крепости Ахульго с нескольких батарей перекрестным огнём. Очевидцы рассказывали: матери своими руками убивали детей, чтобы не попали они в руки русских солдат; целые семейства погибали под развалинами. Были и такие случаи, что мюриды, изнемогая от

ран и как бы отдавая свое оружие, наносили смерть тому, кто принимал его. А ночью горцы сделали смелую вылазку и сбили стоявшую на нижнем уступе роту Апшеронского полка. Генерал Граббе послал этой роте строгое приказание немедленно загладить свое позорное поведение и, во что бы ни стало, снова занять покинутое ею место, угрожая в противном случае расстрелять каждого десятого человека. Убийственное приказание было исполнено. Кровавое приказание.

В кабинете повисла тягостная тишина.

— *Если будешь храбр, как Граббе
Превратишься в труп.
Генерал собачьей свадьбы,
И как Граббе глуп.
Генерал Россию граббит,
В ранах и хворобе.
Получи, Россия-мать,
Сыновей во гроббе,* — вновь процитировал Лермонтов.

— Тоже — ваше? — хмуро поинтересовался Голофеев.

— Александр Пушкин по сходному поводу говорил: «От плохих стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаться, сил нет отказываться». Этот девиз поэта века переживёт.

— Горячитесь вы, юноша, не достоин генерал такой огульной оценки. Но, рассердить его вы сумели. Я получил приказание направить вас в самое пекло, в особую сотню корнета Дорохова, базирующуюся в станице Грозной. Все остальные указания получите от него.

— Так точно, господин генерал! Разрешите идти?

— Идите.

Поручик круто развернулся через левое плечо, сделал два уставных шага по направлению к двери, когда услышал за спиной:

— Пойдите, Лермонтов.

Он остановился, как на параде развернулся к говорящему.

— Скажу вам ещё, что Граббе поддержал моё ходатайство о награждении вас за храбрость, проявленную в бою на реке Валерик. Но из Санкт-Петербурга пришёл отказ с пожеланием отправить вас в горячее дело. Так что, не на шутку рассердили вы царствующее семейство и моё вам дружеское пожелание: направьте все свои таланты во славу Царя и Отечества. Тут уж, либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

— Так точно, ваша светлость!

— Ступайте.

Поручик вышел, дверь за ним затворилась.

В то же время открылась другая, почти незаметная дверь в соседнюю с кабинетом комнату.

Вошёл, позванивая шпорами и сверкая новым гусарским мундиром, полковник Лев Львович Альбранд. Один рукав его ментика был пуст, заткнут за жёлтый офицерский ремень. Но пышные чёрные усы топорщились воинственно. Их армейский задор скрашивала густая седина на висках. Он слышал весь разговор.

— Эх, молодёжь, молодёжь, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс он. Вздыхнул.

— Я бы сказал — ох, уж эти поэты! — подхватил Голофеев. — Всё близко к сердцу принимают, а через это и неприятности на себя навлекают.

— Думаю, что и этот закончит, как Бестужев-Марлинский, — проворчал Альбранд, — Того тоже кинули в мясорубку.... Потом его изрубленное в бою тело несколько раз переходило из рук в руки, да так и осталось у чеченцев. Ни следа не нашли. Только перстень фамильный кто-то вроде бы видел на ярмарке. Тоже был высочайший указ — направить в горячее дело.

— Так Лермонтов этого несчастного Бестужева и копирует, татарский язык учит, эпиграммы пишет, это всё декабристские вольности.

— А слышали, в солдатах байка ходит, что Шамиль, это и есть Александр Бестужев, перебежавший к горцам и принявший ислам....

Ответом был только тяжёлый вздох.

Они помолчали.

— Не мешкая, Аполлон Васильевич, я с обратной эстафетой к Государю отправляюсь, — продолжил полковник. — А вы уж потрудитесь ещё раз наставить господина Дорохова. В каждой депеше на ваше имя о делах на карте войны, пусть указывает и о поведении, и о мыслях, настроениях поручика Лермонтова. И, конечно, нельзя, чтобы Государь заподозрил нас в благоволении опальному поэту, очень уж он и семейство его злы на потомка шотландца Лермонта, переименовавшего свою фамилию на русский лад. Лермонтов.... Кое-кто его с Пушкиным на одну ногу ставит. Но тот ведь плохо кончил.

— Так точно, Ваше сиятельство, — кивнул Голофеев. — А пойдёмте-ка лучше жаркого откушаем перед вашим отъездом, сегодня утром мой денщик прекрасной зайчатинки добыл. Там и вино есть прекрасное из султанских погребов.

СЦЕНА 3. Густая дубрава в горах

Сотня поручика Лермонтова расположилась в секрете. Вечереет.

Лермонтов, Султанов и трое десятников залегли на краю леса, внимательно осматривают в подзорные трубы подступы к реке и стены чеченской крепости Ярык-Аух.

— Река тут бурная, — поясняет дислокацию десятник Григорий Сычѐв. — Переходить станем, или на конях..., они нас живо со стен постреляют.

— И везде она такая? — спрашивает Лермонтов.

— Там дальше, верстах в двух отсюда, чечены сделали запруду, получилось как бы озерцо, где они рыбу ловят. Там и мельничку водяную обустроили. Течение стало не сильное, но глубина в ущелье получилась — метра два, а-то и более.

— А что, если рыбачат, то и лодки там есть, и переправиться можно?

— Лодки-то есть, — вступил в разговор Султанов, — только больно уж приметная они цель, а у противника на стенах пушки. Да и, сколько лодок надо, чтобы боевой отряд переправить...? Дай Бог, где-нибудь в камышах одну припрятанную найти.

Он помолчал и добавил:

— Конечно, оттуда они нападения, скорее всего не ждут, но и часовые, и орудия наготове, это несомненно.

— Почему ж не ждут?

Бывалые воины заулыбались, кто-то хмыкнул.

— Так ведь горцы плавать не умеют, — спокойно пояснил за всех Сычѐв. — Сами не умеют, думают, и другие не могут. У нас вон в сотне только те, кто на Волге вырос или у моря мало-мало плавают, а остальные, как топоры.

— А мы и не будем плавать, — принял внутреннее решение командир. — Соберите-ка мне группу крепких пластунов, человек пять, что смогут тихо часовых снять и двое-трое взрывников. А сейчас возвращаемся, детали вылазки расскажу, обсудим.

Наблюдатели вернулись вглубь дубравы.

— Передовая группа выходит перед рассветом, остальные, под командованием Султана, выдвигаются, как услышат взрывы, — скомандовал Лермонтов.

Затем он расстелил бурку под ветвями могучего дуба, улёгся, буркаю же и укрылся. Большая баранья шапка служила ему подушкой. Меж ветвей уже начали зажигаться звёзды. На лицо Михаила упал небольшой дубовый листок.

«Дубовый листок оторвался от ветки родимой

И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;

Засох и увял он от холода, зноя и горя

И вот, наконец, докатился до Черного моря»... — сложились первые строки у засыпающего поэта.

Ещё тихо пересвистывались ночные птицы, ещё не погасли яркие звёзды, когда безбородый денщик Лермонтова Христя Саникидзе в желтой черкеске с зелеными сафьяновыми газырями тронул его за плечо: «Михаил Юрьевич, пора!» — вполголоса произнёс он.

Сотник тут же открыл глаза, откинул полу своей чёрной бурки, сел.

— Умываться, — тихо приказал он.

Парень побежал к костру, возле которого уже стоял подготовленный походный чайник: весь закопчённый и помятый, но зато объёмистый. Расторопно вернулся.

Лермонтов поднялся, стянул с себя красную шёлковую рубаху-косоворотку, поставил руки под тёплую струю. С удовольствием тщательно вымыл лицо, руки, досталось и шее с подмышками, потом пригладил свою не слишком густую бородку, провёл ладонью по бритой голове, на которой уже начал пробиваться короткий ёжик. Быть похожим на горца — это был фирменный стиль его отряда.

— И чего это генералам придумалось поручить нам взять эту крепость, ясно ж, нашей сотней тут не совладать, там не меньше тысячи мюридов засело, — подошёл с ворчливой речью отважный стрелок Владимир Лихарев, тоже из разжалованных.

— Известное дело, Владимир Иванович, наши сатрапы их руками нас с вами расстрелять замыслили, — усмехнулся опальный поэт, — да только мы им такой радости не предоставим.

Тем временем у костра, разгонявшего вокруг себя тяжёлые клубы утреннего тумана, уже собрались бойцы передового отряда идесятники. Сотник подошёл, поздоровался с каждым.

— Десятка разведки — строиться пешими, остальные поступают в распоряжение Петра Аркадьевича Султанова, — провёл он короткое совещание.

— Пётр, твоя же главная задача, изображая атаку, зафиксировать все огневые точки противника, ну, и оценить численность, — командир закончил свой инструктаж.

Он подошёл к разведчикам. Те стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Так, огнестрельное не берём, только кинжалы и шашки, — обратился он к бойцам. — Подрывникам приготовить пороховые заряды. Подготовить так, чтобы не намокли при переправе. На сборы — пять минут.

Вскоре небольшая команда — десять казаков и Лермонтов с Лихаревым тихо скрылась в едва просыпающемся лесу.

Рукотворное озеро возле аула было покрыто плотным туманом, когда наш десант подошёл к нему и в прибрежных камышах обнаружил крепкую лодку, на которой местные жители не столько рыбачили, сколько перевозили вещи и скот, когда надо было переправить их на другую сторону запруженной реки.

— Делай как я! — тихо приказал командир.

Он скинул бурку прямо на траву за камышами, разделся до исподнего, рубаху и штаны завернул в бурку. На голом теле осталась сабля на сыромятной перевязи, длинный черкесский кинжал взял в руки. Ноги остались в обуви — мягких горских чувяках.

Утренняя прохлада у реки заставила мурашки побегать по телу. Бойцы задвигали плечами, растёрли ладонями плечи.

Атаман Лермонтов смело шагнул в камыши, одиннадцать охотников — за ним.

Подойдя к лодке, он взялся за край, тихо сказал: «Переворачиваем и поднимаем».

Бойцы ловко подняли лодку над головами, расположив её на манер зонтика. Первый повёл свой маленький отряд в воду.

Люди шли медленно, нащупывая каменистое дно. Вот уже лодка скрылась под водой кверху килем, внутри неё стало тесновато, но между перевёрнутым дном и водой оставался воздушный колокол, головы казаков инстинктивно задрались подбородками вверх, к спасительному глотку воздуха. Только у взрывников на головах были притянуты ремнями мешочки с пороховыми зарядами, и они остерегались их замочить или уронить. Потому шли ровно, словно итальянки с корзинами винограда.

То и дело в ноги и животы бредущих по каменистому дну тыкались крупные рыбыны.

Ни один наблюдатель со стороны не мог бы обнаружить этот подводный корабль, уверенно движущийся с одного берега на другой. Лишь небольшая рябь на водной глади выдавала их скрытый путь. Но и эти слабые волны укрывала дымка утреннего тумана, стоявшая над водой.

Дюжина смелых мужчин тем же строем поднялась из-под воды, лодку аккуратно поставили на гладь. Их выход на прибрежную мель оказался скрытым водяной мельницей, чьи лопасти лениво шлёпали по тихим волнам. Ориентир вожака оказался верен.

Привязав лодку к мельничным мосткам, охотники тихо пробрались на мельницу. Вдоль бревенчатых стен были натянуты верёвки с сохнувшей солёной рыбой. Внутри - тихо. Пахнет мукой и речной водой. Возле сонно переваливающихся каменных жерновов притулилось несколько полных мешков.

Командир осторожно выглянул в окошко, что было направлено в сторону крепости. И... тут же услышал мерное посапывание часового, который спал стоя, прислонившись к стене.

— Степан! Кобяков! — тихо позвал Лермонтов и кивнул на окошко.

Высокий парень понимающе кивнул. Длинная рука с казачьей шашкой прямо через окно пронзила шею спящего и даже задержала его падение. Часовой просто сполз по стене, словно присев на корточки. Только тогда стальной клинок покинул его тело.

— Так, пластуны двумя тройками — вперёд! — скомандовал атаман. — Как снимите часовых, отзовётесь пеночкой и встречайте взрывников. Потом проводим разведку боем, ворвавшись в пролом.

Шестеро во главе с Сычёвым скрылись в предрассветных сумерках.

Ничто не нарушало тишину. Только через несколько минут, одни за другими послышались меланхоличные посвисты чуть понижающегося тона: тии-тии, тии-тии.

Засада на мельнице прислушивалась: раз, два, три.... Подал сигнал и шестой. Значит, часовые по этой стороне крепости сняты.

— Взрывники — вперёд! — дал сигнал Михаил.

Ещё четверо его охотников двинулись в сторону крепости.

Выждав несколько минут, короткими перебежками, прислушиваясь, пошли к остальным и Лермонтов со Степаном Кобяковым.

В нескольких метрах от крепости оказался довольно пологий, но широкий ров. На коне не перескочишь, а пешему его перебежать труда не составит. Видимо, рыли его давно, вот и осыпался уже. Тут командир и наткнулся на группу своих пластунов.

Все ждали.

И вот закричала болотная выпь!

Знак готовности к взрыву. Шорох в траве..., и в ров скатились, один за другим, все четверо взрывников. Почти тут же под крепостными стенами грохнуло. Заряды рвались попарно и поодиночке, а-то и несколько враз, какофония канонады огнём озарила небо. Град раскалённых булыжников разлетелся по всей округе. Несколько камней влетело в ров, чувствительно ударив спрятавшихся там диверсантов.

— Всё! — перекивая остатки шума, заявил Сычёв. — Можно выдвигаться.

— Ждём ещё, — отозвался командир.

В наступившей внезапно тишине стали слышны лишь крики и стоны, потом где-то далеко пронеслось раскатистое «урааа!», зазвучали ружейные и пушечные выстрелы. Это отряд под командованием Султанова рванул в атаку.

— Пошла потеха! — воскликнул Михаил Лермонтов. — Вперёд, ребята! Атакуй пролом!

— Стараемся найти пороховой склад или командный пункт! — крикнул он уже вслед своим наиболее ретивым охотникам.

Защитники аула-крепости, деморализованные утренней канонадой, не разобравшись, бросились на защиту центральных ворот, откуда двигался, развязав плотную беспорядочную стрельбу, отряд под руководством Петра Султанова.

Тем временем лермонтовская дюжина, вооружённая только холодным оружием, тихо вошла в рухнувший пролёт оборонительной стены. Несколько случайных сопротивлений не составили им серьёзной преграды, схватки на узких улочках были коротки.

Двенадцать хорошо обученных фехтовальщиков легко рубили отважных горцев, больше привыкших к простому крестьянскому труду.

Так продвигаясь к центру аула, они увидели большую саклю с зелёным флагом над входом.

— Туда! — коротко приказал Лермонтов.

Двое часовых, считая, что враг находится за стенами, не ожидали нападения изнутри селения. Молниеносная атака и — оба упали у входа. Русские охотники ворвались в штабную саклю.

На стенах — списки с изречениями из Корана, на полу — богатые ковры. Мягкие подушки. У окна — неожиданный здесь европейский стол на четырёх высоких ножках. На нём карты, письма, письменные приборы.

В углу, не враз замеченный, чуть шевельнулся человек в толстом мягком халате, почти сливающимся пестротой узоров с коврами и подушками. У него на поясе висел кинжал в золочёных ножнах. Человек мелко дрожал, закрыв голову обеими руками.

Мощный Степан рванул его за шиворот, бросил к ногам командира.

— Не убивай! Рус, не убивай! — заверещал тот.

— Где Шамиль? — строго спросил Лермонтов, замахнувшись длинным кинжалом.

— Нет Шамиль, нет Шамиль! — высоким голосом продолжал верещать захваченный пленник. — Здесь только Гамзат-хан. Он со свои нукеры убежал воевать, когда ударить пушки!

— А ты кто таков?

— Я бедный Саид-хан, казначей. Я никого не убивать! Я не воин! Я казна хранить!

Тут только казаки обратили внимание на небольшой сундук, стоящий у стены.

Лермонтов кивнул на него головой. Кобяков и Сычёв подошли разом. Удар дамасским клинком легко перебил дужку замка. Откинули крышку.

Такое виделось только в сказках Шахерезады!

Сундучок был полон золотых монет, перемешанных с перстнями, браслетами и ещё какими-то сверкающими всеми цветами радуги драгоценностями.

— Берём и уходим! — скомандовал Лермонтов.

Саид-хан вцепился в его ноги, всё время причитая: «Не убивай! Не убивай! Не убивай!». Атаман повернулся к стоящему рядом Адаму, кивнул на пленника.

Адам понял. Он оттащил воющего казначея в сторону. Взмах сабли и... рыдающая голова упала на персидские ковры.

— Вложи ему в руку его кинжал, — скомандовал Лермонтов. — Пусть думают, что он защищал казну. Без этого, его всё равно казнили бы, да ещё и родичей его с позором повесили. А так пусть будет герой.

— Уходим! — завершил он свой короткий монолог.

До берега добрались без особых приключений. Поставили в лодку сундук с золотом, мешки с мукой, срезанные гирлянды с рыбой.

— Кто умеет плавать — на корме лодки плывут, толкая перед собой. Кто не умеет — держится за борта впереди, идёт по дну, затем просто перебирайте ногами под водой, пока снова не почувствуете дна, — инструктаж командира был короток. — Вперёд!

Лодка отчалила, оставляя за собой взрывы и выстрелы.

И вот уже — знакомые камыши, берег, можно переодеться в сухое.

Люди попадали на траву, выполнив большую, многотрудную работу. Казалось, они прямо сейчас все разом уснут.

— Адам, Степан, одевайтесь и направляйтесь в дубраву, в наш бивак. Надо посыльного отправить к Султанову со словом «отбой», а сюда возвращайтесь с двумя подводами и лошадьми, — скомандовал Лермонтов.

Потом он повернулся к остальным:

— Разгружай, ребята, лодку, груз выносите сюда, сложить аккуратно. Потом переодеваемся и ждём посыльных. Всем поглядывать, чтобы басурман какой из кустов или камышей к нам не пробрался. У них тоже бывалые лазутчики есть.

Будто в воду глядел командир.

Они словно выросли из-под земли: блеснув кинжалами, с рычанием набросились на охотников отряда. Только один крикнул что-то вроде: «Деши кхети!».

— А, золота им! — воскликнул кто-то из лермонтовцев, и десятка, быстро организовавшись спинами в круг, тут же ошетилилась клинками сабель.

Дерзкий наскок не удался. Мокрые горцы, сумевшие-таки переправиться через реку с приказом вернуть казну, словно стая голодных волков начали кружить вокруг казаков, высматривая в строю просвет для удара. Правда, их короткие кинжалы не давали возможности пробить сабельную защиту. Иные совсем по-волчьи рычали, скаля зубы на врагов, видя в центре замкнутого круга заветный сундук.

— Ребятки, пластуны, в кнуты их! — вдруг раздался голос Георгия Сычёва.

В мгновение ока несколько казаков, скинув бурки, взмахнули своими нагайками.

Сразу четверо горцев, вскрикнув, схватились ладонями за лица, их кинжалы упали, сквозь пальцы обильно хлестала кровь. Хлысты нагаек крутились, со свистом рассекая воздух, словно какие-то японские нунчаки. Сунуться под этот свист было самоубийственно. Двое отскочили, не понимая, что делать дальше в неравном бою. Видимо, посчитав, что лучше драться и погибнуть, чем бежать и покрыть себя позором, они с криком отчаянья бросились на разведчиков, но те расступились, пропустив нападающих в центр круга, и четыре кнута разом прошлись по спинам, располозовав их кровавыми полосами. Двое упали на вожделенный сундук.

Нагайки не давали им поднять головы. Четверых с распоротыми лицами другие казаки уже вязали к стволам молодых дубов. Туда же привязали и обессиливших, окровавленных последних.

Тут из лесной чащи выехали две повозки.

— Всыпьте этим им ещё раз, грузимся и поехали, — спокойно приказал Лермонтов, убирая свою саблю в ножны. Потом добавил: — Только не до смерти. Всё равно, это уже не бойцы....

СЦЕНА 4. Штаб Лермонтова в станице Грозной

— Наш скорбный труд не пропадёт, из искры возгорится пламя! — услышал Михаил Лермонтов, входя в свою саклю.

У окошка стоял худощавый молодой человек... с поседевшими висками. Мундир рядового драгунского полка сидел на нём молодцевато и даже щегольски.

— Брат Одоевский! Саша! — радостно узнал его вошедший.

Друзья-поэты обнялись.

— Ну, какими судьбами здесь, сибирский сиделец, рассказывай..., — не убирая руку с дружеского плеча, подбодрил гостя Михаил Юрьевич.

— Что рассказать тебе, Мишель? — задал гость риторический вопрос. — Мои дела известны, они — на моих плечах.

— Выходит, ссылку заменили Кавказом? Холодную берлогу — на горячие пули?

Одоевский кивнул:

— Выходит, что так.

Помолчав, добавил:

— Но я доволен. Пусть коротко, но побуду среди вас, милых моему сердцу людей, единомышленников. Война — дело для мужчин, живое дело....

— Да, но тут убивают....

— Это лучше, чем от водки или простуд.

Диалог был прерван весёлой гурьбой солдат, ввалившихся в саклю.

— Точно — Одоевский!

— Жив герой Сенатской площади!

— Вот неожиданная радость!

Воскликая наперебой, Султанов, Сычёв, Лихарев стали пожимать руку прибывшего князя.

— Какими судьбами к нам?

— Вот, подарочек нашему пииту доставил — прелестный блокнот, чтобы туда свои творения записывал, да рисунки на память оставлял, — Одоевский протянул Лермонтову небольшой свёрток. — Наш драгунский полк уже подошёл, следом ещё подтягиваются войска. Штабные говорят: будем крепость Ярык-Аух брать. Будто бы там сам Шамиль засел. С пятью-тысячным войском!

Лермонтов и его рядовые офицеры расхохотались.

— Вы чего, господа? — удивлённо глянул на друзей Одоевский.

— Ещё третьего дня был мне приказ взять эту крепость силами нашей сотни, — внезапно посерьёзнев, ответил Лермонтов. — Мы ведь только сейчас оттуда.

— Сатрапы в мундирах надеялись, что мы в лобовой штурм пойдём, и вся сотня поляжет, — пояснил Султанов. — Но с нашим атаманом такие номера не проходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.